

Российская академия народного хозяйства и
государственной службы при Президенте РФ
Институт общественных наук
Школа актуальных гуманитарных
исследований
Лаборатория теоретической
фольклористики

Russian Presidential Academy of National
Economy and Public Administration
School of Public Policy
School of Advanced Studies
in the Humanities
Laboratory for Folklore Studies

Международная научная конференция

International Conference

Механизмы культурной памяти:
от фольклора до медиа

Mechanisms of Cultural Memory:
from Folk-lore to Media-lore

Москва, РАНХиГС, 27–29 ноября 2014

Moscow, RANEPА, November 27–29, 2014

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

Москва 2014

УДК 821
ББК 82.3(2Рос=Рус)я43
М55

Составители: *О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов, М. В. Ахметова, Н. В. Петров*

Механизмы культурной памяти: от фольклора до медиа. Тезисы докладов Международной научной конференции. Москва, РАНХиГС, 27–29 ноября 2014 г. / Сост. О. Б. Христофорова, Д. И. Антонов, М. В. Ахметова, Н. В. Петров. М., 2014. – 149 с.

Культурная память представляет собой передачу во времени значимых для социума сообщений («культурных текстов») и может быть понята как хранилище информации со «встроенными» механизмами трансляции. В устных культурах единственный возможный способ хранения и передачи культурной информации – это фольклорная традиция. Семантические элементы (мотивы, семы) любых текстов сохраняются в течение длительного времени, как бы прорастая сквозь сменяющиеся друг друга языки и культуры. Возникновение и распространение письменности породило принципиально иные механизмы хранения и передачи культурной информации. Мы живем в эпоху распространения коммуникации третьего типа – «экранной», которая хронологически наследует письменности, но типологически ближе устной традиции с ее контактностью и интерактивностью. Технический посредник, предоставляя всё новые возможности общения «лицом к лицу», «растворяется», становится незаметным. Широкая сеть получателей сообщения сливается в одно лицо обобщенного «другого», с которым и происходит диалог. Но это сходство парадоксальное, поскольку технологии передачи и хранения информации в «экранную эпоху» принципиально иные по сравнению с устностью.

Конференция нацелена на исследование механизмов культурной памяти в разные «информационно-коммуникативные эпохи», на анализ их особенностей, сходств и различий.

Оргкомитет

к.ист.н. Дмитрий Игоревич Антонов
к.филол.н. Александра Сергеевна Архипова
к.филол.н. Мария Вячеславовна Ахметова
Марина Иннокентьевна Байдуж
д.филол.н. Сергей Юрьевич Неклюдов
к.филол.н. Дмитрий Сергеевич Николаев
к.филол.н. Никита Викторович Петров
д.филол.н. Ольга Борисовна Христофорова

© Коллектив авторов, 2014
© РАНХиГС, 2014

С. Ю. Королёва

(Пермский государственный национальный исследовательский университет)

Судьбы людские: большая, малая и личная история
в «наивном» поэтическом сборнике Е. Е. Зверевой

Письменная фиксация различного рода нарративов (бытовых и автобиографических рассказов, семейных историй и проч.), отражающих опыт старшего поколения, становится сегодня массовым явлением. Подобные тексты, зачастую имеющие «наивный» характер, генерируются и записываются теми людьми, кто посчитал свой жизненный опыт достаточно репрезентативным и ценным, чтоб передать его другим. В некоторых случаях запись осуществляется кем-то из окружения рассказчика: родственниками (с целью сохранить этот опыт как часть семейной истории), библиотекарями, учителями, краеведами («для истории» как таковой). Осмысление нарративов «простых» людей как социально значимых сообщений, достойных стать частью культурной памяти, может считаться одной из тенденций современной социокультурной ситуации в России.

Заметить эту тенденцию позволяет активное издание «наивной» мемуаристики, стихотворных и прозаических автобиографий и родословий в виде печатных книг (за счет автора, при поддержке родственников, соседей, знакомых предпринимателей, местной администрации). Очевидно, что для традиционно ориентированного сознания книга остается наиболее авторитетной формой презентации личного и коллективного опыта, превращает рукописные тексты в «тексты культуры». К числу подобных изданий относится стихотворный сборник «Судьбы людские», написанный и изданный пермской пенсионеркой Екатериной Егоровной Зверевой (Пермь, 2010). Даже с учетом уже известного многообразия текстов «наивной» литературы, книга эта представляется весьма примечательной по целому ряду параметров: объем (300 стр. печатного текста и фотографий), полижанровость (цикл стихотворений, конструирующих личную биографию; поэтическая родословная; графически оформленные элементы генеалогического древа; прозаическое изложение семейной истории; семейный фотоальбом); степень подробности и многообразии представленного жизненного опыта.

Особый интерес вызывает проявившийся здесь способ конструирования истории в разных ее масштабах: личном (автобиография, судьба семьи), локальном (события местного уровня) и «большом» (события, касающиеся

страны в целом). На материале разнообразной «наивной» словесности исследователи уже выявили, что представление о прошлом строится тут «по принципу эгоцентричности», при котором в центре происходившего оказывается личность рассказчика и судьба его ближайшего окружения, а также «по принципу деиерархичности», при котором события большого исторического масштаба уравниваются в сознании говорящего с событиями его личной жизни [Левкиевская 2010]. По-видимому, выявленная закономерность является типологической чертой историзма «наивной» литературы. Появляется она и в поэтическом сборнике Е. Е. Зверевой, где разномасштабные события оказываются «встроенными» в повествование о собственной судьбе.

Представляет интерес отбор автором тех фактов и воспоминаний, которые воспринимаются ею как значимые для социума сообщения. В стихотворениях о военном детстве лейтмотивом становятся упоминания о бытовых тяготах и постоянной нехватке еды:

С утра поесть мы все просили:
И братья, стриженные под овец,
И мы, дистрофики полуживые,
Живот большой, а ножки тонки,
И тонки наши голоса.
А в огороде ни соринки,
И съедена вся лебеда [Зверева 2010: 17]¹.

Есть хотелось нам всегда, – констатирует автор (упоминания о том, чем именно приходилось питаться, встречаются многократно). Однако драматичные ситуации имели и другие причины. Несколько стихотворений повествуют о бытовых несчастных случаях, которые заканчивались серьезной травмой (ожоги, укусы собаки и проч.): *Вдруг все затмило огнём-полымём, / Горящим факелом стала я* (с. 9). Судя по количеству упоминаний, в семье были нередки телесные наказания детей: *Меня в детстве били / И вицей лупили. / Орала до одури я, / Теперь такая большеротая* (с. 38). Попытки повзрослевшего автора описать подобные воспоминания с юмором не вполне убедительны и сводятся к самоиронии. В целом воплощенный в стихотворениях Е.Зверевой детский опыт можно охарактеризовать как травматичный (на преобладание среди русских «наивных» крестьянских автобиографий «травматических нарративов» указывает Е. Е. Левкиевская).

¹ Далее все цитаты приводятся по этому изданию с указанием страниц.

Личная история взросления выстраивается в этой «наивной» автобиографии как последовательное включение в различные коллективы. Е. Зверева подробно описывает женскую школу-семилетку (иногда учились в третью смену; детям из бедных семей разово выдавали бесплатную обувь), затем – ШРМ, куда перешла, т.к. не могла платить за обучение в старших классах. Учебные коллективы «перемежаются» трудовыми: первую работу санитарки сменяет *коммерческий конторщик*, / *Потом дистанция пути*, / *потом работа лаборантом*, / *Потом сельхоз встал на пути* (с. 60). После сельхозинститута Е. Зверева становится агрохимиком. В ее наивно-поэтическом повествовании личное зачастую неотделимо от общественного: в тексты включаются обширные списки различных имен, рассказы о судьбах одноклассников, однокурсников, преподавателей, коллег; с теплотой и ностальгией описываются совместные праздники.

Индивидуальная судьба «расширяется» за счет рассказов об истории семьи. Отдельное стихотворение посвящено судьбе отца (воевал в I-ую Мировую, видел императора, был в австрийском плену, потерял первую жену) и его знакомству с матерью (каталась на масленицу в нарядной шали, и он посватался). Примечательно, что автобиографический цикл открывает стихотворение о малой родине родителей Е.Зверевой, детство и молодость которых прошли в Юрлинском р-не Пермского края (упоминается местное предание, что юрлинские села и деревни основаны стрельцами, сосланными Петром I). Переезды семьи способствуют тому, что в поле зрения автора попадают различные части пригорода Перми (теперь – городские микрорайоны): Кислотный, Январский, Заозерье и др., – а также истории соседских семей. Наконец, работа агрохимика позволяет включить в пространство, освоенное автором (в т.ч. поэтически), ряд районов Пермского края.

Образ советской эпохи и «типичного» советского человека, складывающийся в «наивных» стихах Е. Зверевой, оказывается более интересным, сложным и объемным, благодаря туристическому опыту автора. С обилием подробностей – иногда юмористических – описаны поездки юных «уральских провинциалок» в Москву, Ленинград, Таллинн; в ярких красках описаны изобильные «восточные базары» Ташкента и Самарканда, путешествие с мужем в Казахстан. «Наивные» стихотворения Е. Зверевой воплощают также опыт «советского интуриста» (Чехословакия, ГДР, Болгария), характерной чертой которого становится «инструктаж» в КГБ и посещение магазинов вперемежку с культурными достопримечательностями (*В магазинах красо-*

та, разбегаются глаза, с. 174; Девчата джинсы закупили, / А в день отъезда на себя все натянули. / На фоне импортных машин снялись..., с. 184)

На протяжении всего наивно-поэтического повествования, зачастую в пределах одного текста, автор сопрягает различные пласты истории: «большой» (коллективизация, война, репрессии, хрущёвская оттепель, распад Советского Союза), «малой» (жизнь уральского города), семейной (судьбы родственников) и личной. Определенная клишированность оценок и описаний (отражающих, в частности, идеологию и риторику Перестройки) сочетается с изложением любопытных социально-бытовых подробностей, которые игнорировались официальной советской культурой. В целом автобиографический цикл Е. Зверевой не сводится ни к набору идеологем, ни к «травматическому нарративу», оказываясь значительно шире – возможно, благодаря таким индивидуальным особенностям автора, как оптимизм, юмор, культивируемый интерес к жизни.

Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ, проект №14-14-59009а/У «Наивная литература в современной региональной культуре Прикамья».

Литература

Зверева 2010 – Зверева Е. Судьбы людские. Пермь, 2010.

Левкиевская 2010 – Левкиевская Е.Е. «Наивное» членение исторического времени в крестьянских автобиографических текстах // «Маргиналии–2010: границы культуры и текста»: Тезисы Междунар. конф. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2010/thesis.htm>

А. В. Корчинский

(Российский государственный гуманитарный университет, Москва)

Конструирование памяти о героях в русских революционных сообществах второй половины XIX века: фольклорные и литературные элементы

В 1870–1880-е годы в кругах русской радикальной интеллигенции стали возникать новые формы сообществ, отличные как от «обществ» декабристского типа, так и от «кружков» 1840–1860-х годов [Brower 1975; Gleason 1980; Confino 1990].